

М.И. Воробьева-Десятовская

Материалы Н.Ф. Петровского в ИВР РАН¹

Статья посвящена Николаю Федоровичу Петровскому (1837–1908), генеральному консулу Кашгара (Восточный Туркестан, в настоящее время — Синьцзян). Петровский проработал в Кашгаре с 1882 по 1903 г. Археолог, историк, политик, он принес большую пользу России, участвуя в «Большой Игре» и оберегая интересы России. Напряженные отношения между Россией, Англией, Китаем и Афганистаном, сложившиеся во второй половине XIX — начале XX в., борьба за обладание территориями Средней Азии, Тибета, небольших государств к северу от Индии, опасения Англии утраты владычества в Индии получили в политике название «Большая Игра». Он внимательно следил за движениями Англии, стремившейся расширить свои владения в Восточном Туркестане. Но главная задача, которая была поставлена перед Петровским Академией наук, состояла в исследовании памятников древности, их описании и нанесении на карту. Петровскому Институт восточных рукописей РАН обязан своими коллекциями индийских, хотано-сакских, тибетских, тохарских и других рукописей, созданных народами, проживавшими на территории Восточного Туркестана с глубокой древности. Коллекция памятников искусства первых веков нашей эры была доставлена в Государственный Эрмитаж (около 3000 единиц хранения).

Ключевые слова: Кашгар, Хотан, памятники письменности, артефакты.

Николай Федорович Петровский родился в Москве 30 ноября 1837 г. в семье военных. Этим был обусловлен и его выбор учебного заведения: он поступил во второй Московский кадетский корпус и закончил его. Интересы тянули молодого офицера на Восток, переходя из одного ведомства в другое, он все ближе и ближе продвигался к Средней Азии, а затем — к Центральной. В 1858 г. началась его первая служба — поручик в Астраханском гренадерском полку. Однако военная служба продолжалась недолго. Через год мы видим его репетитором русского языка в Александровском кадетском корпусе. В следующем году он совсем покинул военную службу — литература, экономика, этнография, археология, политика интересовали его значительно больше. Чин младшего офицера ставил его в трудное материальное положение. Приходилось жить на съемных квартирах. Офицеры играли в карты, пьянствовали. Напротив, языки, в том числе восточные, и наука занимали большую часть времени Петровского. Хорошо образованный, знакомый с историей России на Востоке, он начал писать статьи и книги. В то же время он сменил службу в нескольких ведомствах: в министерстве финансов, министерстве иностранных дел. В 1865 г. Н.Ф. Петровский женился и поступил на службу в Государственный контроль. В 1870 г. он был назначен агентом Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве. В работе он отличался особой тщательностью. Служба проходила в основ-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История изучения буддизма в материалах и документах 1900–1920-х гг. Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН», проект № 10-01-00252а.

ном в Ташкенте, куда к тому времени перебралась и его семья. Ему поручали сбор торговых и разведывательных сведений. Так, в 1872 г. его послали в Бухару, только что присоединенную к России. Результатам поездки он посвятил интересную и полезную во всех отношениях статью «Моя поездка в Бухару. Путевые наблюдения и заметки» (Вестник Европы, 1873, с. 209–248). Важным было и другое его исследование: «Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. Отчет Министерству Финансов Агента в Туркестанском Генерал-губернаторстве» за 1874 г. К книге было приложено обозрение туземного хозяйства и той пользы, которую может принести торговля со Средней Азией. Прямо Петровский пишет об этом в 1873 г. в своем отчете в министерство финансов, который так и называется: «Материалы для торговой статистики Туркестанского края».

Одной из важных работ Петровского, знатока персидского и арабского языков, которые он изучил за 10 лет работы в Средней Азии, стал справочник «Древние арабские дорожники по средне-азиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Пособие для разыскания древних путей и местностей», вышедший в Ташкенте в 1894 г. В предисловии к справочнику Петровский отмечает важность исследований Средней и древней Азии как с исторической, так и с археологической точки зрения. Он пишет: «Со времени занятия русскими этих местностей, составляющих ныне наши среднеазиатские владения, немало лиц, посещавших их и живущих в них, занималось в разных отношениях их изучением. В недавнее время область исследований, именно археологических, сравнительно с другими, забытыми и отставшими, начало которых было положено прекрасными трудами покойного И.И. Лерха (об этом см.: Лерх, 1870), стала более, чем прежде, обращать на себя внимание и проявлять себя в раскопках и описаниях остатков древности» (Петровский, 1894, с. 1).

Далее Петровский отмечает, что археологические раскопки в Средней Азии пока еще очень незначительны и производились не специалистами, а случайными путешественниками, которые, однако, понимали всю важность этих работ. Даже без археологических раскопок путешественникам было ясно, что эти места связаны с древностью и здесь располагались стоянки или остановки на караванных путях. На картах оставалось довольно много таких свидетельств. Таким образом, была создана канва, и притом довольно обширная, в том числе и в трудах арабских ученых, сведения которых были собраны. Лучшим собранием следует считать труды А. Ширингера, которые сопровождалась приложением в виде 16 карт. Труд был переведен на русский язык, к сожалению, без карт. Старожил Ташкента г. Шварц на основании свидетельств греческих писателей и своих путешествий воссоздал путь по Туркестану Александра Македонского.

Книга Н.Ф. Петровского содержит много полезных сведений о Средней Азии. Он был первым, кто подробно описал пути, которыми пользовались в древности, и основные точки продвижения арабов по Средней Азии.

К сожалению, работа Петровского в Туркестанском округе была малоизвестна его современникам. Об этом пишет и Ольденбург С.Ф. в некрологе «Памяти Николая Федоровича Петровского». Он пользовался сведениями, полученными от одного из полковников, работавших в разведке Восточного Туркестана, А.Д. Калмыкова. Но этого было недостаточно. 1 июня 1882 г. Н.Ф. Петровский был назначен Консулом Кашгара. Консульство было только что открыто. В 1886 г. его великолепная работа была отмечена Туркестанским генерал-губернатором, и он получил звание Генерального консула. Состав миссии следующий: генконсул с семьей (жена и сын), секретарь Лушт, врач и конвой из 50 казаков. С этого времени связь Н.Ф. Петровского с науч-

ным миром, и особенно с С.Ф. Ольденбургом и В.Р. Розеном, стала постоянной и заложила основу коллекции рукописей из Восточного Туркестана. Среди них были фрагменты рукописей на санскрите, на хотано-сакском языке, на тохарском Б, на уйгурском, на тибетском языках. В основном Петровский покупал рукописи у местного населения. Большую часть коллекции составляют санскритские и хотано-сакские рукописи.

Кашгарское консульство благодаря характеру Петровского, справедливо относящемуся к местному населению, отличалось от всех других местных консульств. Он так описывал его: «Кашгарское консульство далеко не похоже на все другие консульства: это нечто вроде и полицейского участка с почтовой конторой, и камеры судьи, и места, где нередко занимают делами серьезного политического характера» (Памятники индийской письменности из Центральной Азии, 2004, с. 346). Н.Ф. Петровский был прекрасным политиком. В сложные времена, когда произошло нападение на Памирский пост, отношения с Англией, Китаем и Афганистаном становились все более напряженными, Петровский проявил глубокие познания в «Большой Игре», строго следил за попытками ослабить российскую политику в Средней и Центральной Азии и испытывал стыд за грубые и неверные шаги российских войск на этой территории. Он выступал защитником местного населения от несправедливости и больших налогов, которые им приходилось платить местным баям. Однако Туркестанский генерал-губернатор был недоволен деятельностью русской администрации на вновь присоединенных территориях. Так, в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН хранится секретное распоряжение Туркестанского генерал-губернатора начальнику Памирского отряда. Хотя распоряжение адресовано не генералу Петровскому, но оно показательное для характеристики политики России в Средней и Центральной Азии. Приведем выдержки из этого распоряжения: «В текущем году (май 1903 г.) Бухарское правительство намерено приступить к сбору податей с населения Памирских бекств. Размеры податей и сборов, выработанные бывшим начальником Памирского отряда <...> местной бухарской администрацией и утвержденные Министерством Иностранных Дел и Военным, по возможности низкие и не должны лечь тяжелым бременем на население. Если подати будут увеличены, местным жителям будет очень трудно платить эти сборы. Самый способ взимания их бухарскими властями легко может вызвать неудовольствие среди населения <...> Вашему Высокоблагородию надлежит зорко следить за всем ходом этого дела и сообщать о нем Политическому Агенту нашему в Бухаре, особенно в случае несправедливости или притеснения со стороны бухарских чиновников». Вмешиваться в дела бухарской администрации не следует (АВ ИВР РАН. Ф. 115, оп. 1, № 131).

Петровский не нарушал распоряжений Туркестанского генерал-губернатора. Именно правильное поведение консула в сложной политической ситуации и помощь местному населению привели к тому что, оно выражало желание поскорее перейти под власть Белого Царя. Во всех сложных ситуациях Петровский старался поддерживать авторитет России.

В 1885 г. Петровский представил царскому правительству «Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского о делах за последние годы». Интересны вопросы, которые он затронул в нем: «1) Краткий обзор Восточного Туркестана. 2) Административное устройство, управление, подати, повинности. 3) Земледелие, промыслы и естественные богатства. 4) Отчет о торговле Восточного Туркестана. 5) Торговля с Россией, Малым Тибетом, Бадахшаном и другими малыми странами» (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII, 1886, с. 1–61).

В Архиве восточных рукописей РАН хранятся докладные записки и письма Петровского, которые в основном использованы в этой работе. Больше всего Петровский беспокоился о том, что Россия может потерять выгоду от торговли с соседними странами.

В Архиве востоковедов хранится Записка «К вопросу о соперничестве русских и английских мануфактурных товаров на рынках Средней Азии» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15). Захват Англией Читрала и приближение англичан к границам России Петровский воспринимал особенно болезненно. Он видел, что английские товары постепенно вытесняли российские с рынков Центральной Азии, и сам был готов принять участие в торговых операциях.

Мы уже упоминали, что Институт восточных рукописей РАН обязан своей богатой коллекцией прежде всего Петровскому, а его работой по собиранию этой коллекции руководили ученые Азиатского музея. В Архиве востоковедов Института восточных рукописей хранится переписка Петровского с С.Ф. Ольденбургом, бароном Виктором Романовичем Розеном и другими учеными. В этих письмах Петровский описывал памятники древности, которые он разыскал сам в Кашгаре и о которых специально расспрашивал жителей Кучи. Он использовал помощь местных жителей, которые хорошо знали и окрестности, и легенды, распространенные в Восточном Туркестане. Это были первые сведения, полученные в России, а из России они стали достоянием ученых на Западе.

Приведем отрывки из переписки Петровского и Розена. Розен в письме от 1 декабря 1892 г. сообщил Петровскому, что Восточное отделение Императорского Русского археологического общества, заслушав сообщение Ольденбурга С.Ф., постановило обратиться к Петровскому за разъяснением следующих вопросов:

«1. Имеются ли в Консульстве или не могут ли быть получены путем расспросов сведения об остатках древности в Куче или иных местностях Кашгарии?

2. В какой мере отдельное лицо или же экспедиция, направившаяся для археологических изысканий в Кучу, могут рассчитывать на то, что китайские власти и население не станут препятствовать им в работе?»

Петровский ответил: «В ответ на предложенные мне вопросы имею честь сообщить нижеследующее:

1. Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей — несторианских, буддийских и всяких других собираются мною давно. О первых из них я не получил до сего времени ничего положительного, даже не слыхал и преданий, которые можно было бы отнести к несторианству. Все, если не считать одной местности верстах в 30 к северо-востоку от Кашгара, где есть развалины, носящие название Биби-Мариам (на картах: Бу-Миргам), связанные с преданием о Богородице; но таких местностей, как Вы изволите знать, в Средней Азии много, и утверждать, что предания о них занесены несторианами, едва ли возможно. Памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане, и кажется, есть основания предполагать, что они найдутся даже на Памирах, если название местности Сума-таш (у озера Яшиль-Куль) объяснять монгольским словом сумэ — молитвенный храм (об этом см.: Позднеев, 1887). Все памятники немусульманского времени обыкновенно приурочиваются в рассказах туземцев к древнейшим временам Дакиануза или Афросиаба. В Куче и его окружении этих памятников очень много: в горах, недалеко от дороги, есть остатки древних зданий из тесаного камня; есть, кажется, ступы, а также и другие развалины. Сам я там не был, но с целью проверить сведения прежних времен, упоминавшиеся в трудах Иакинфа, Риттера и Григорьева, я расспрашивал приезжавших оттуда ту-

земцев и наших мусульман. Судя по их рассказам, можно, кажется, заключить, что те древние башни без окон и дверей, которые находятся в окрестностях этого города, должны быть не чем иным, как ступами. Находка господина Боуэра близ Кучи рукописи была совершенно случайной. Боуэр показывал ее в Кашгаре секретарю консульства Я.Я. Лютшу, и сей последний написал об этой находке полковнику Певцову (или Роборовскому?) с целью обратить их внимание на кучинские древности, когда экспедиция на обратном пути будет проходить эту местность. При сем я высылаю купленный мною года два назад в Кашгаре листок, написанный на неизвестном мне языке, который похож на листы книги Боуэра². Ввиду желанья Отделения осведомиться об этих древностях, я счел своим долгом послать в Кучу знающего этот город и его окрестности смышленого туземца, поручив ему доставить мне сведения: где, в каких местах и какие, по внешнему виду, находятся там древности. Вместе с тем я дал ему 25 рублей на случай покупки какой-нибудь из вещей из этих развалин.

Если кто-либо из местных жителей будет предлагать более ценные находки, я буду приглашать их в Консульство в Кашгар.

Под самым Кашгаром мне известны и мною осмотрены два памятника древности, из которых один — буддийский, а другой, вероятно, буддийский. Я намерен в ближайшее время подробно исследовать и описать эти памятники. Первый из означенных памятников — развалины сильно поврежденной ступы, упоминаемой, согласно В.В. Григорьеву, еще Птолемеем (Григорьев, 1871, с. 36), — находится верстах в трех от Кашгара на северной стороне города за рекой Туменем, протекающей многими рукавами между городом и возвышенной местностью (лёссовая почва), оканчивающейся крутым, почти вертикальным, уступом. На возвышенности, саженях в трехстах от уступа, лежат означенные развалины. Со стороны города развалины виднеются в виде кургана. Местность, где находятся развалины, могла бы быть названа ровною, если бы ее поверхность не была изрыта вглубь. Большие и малые щели были размыты водой, как это обычно бывает с лёссовыми почвами. Ступа, как можно судить по ее теперешнему виду, имела форму не цилиндрическую, а усеченного конуса, а может быть, и двух цилиндров, из которых верхний рассыпался и частично закрыл нижний. Вокруг ступы обведен ров (теперь неправильной формы) глубиной в 3–4 сажени. Основание ступы находится на дне этого рва. Сложена ступа, полностью или частично, из кирпича неправильной формы, похожего на куски обожженной глины. Кирпича правильной формы мне найти не удалось. Окрестная местность несомненно была застроена, судя по остаткам кирпичей и глины. Ступу, как мне рассказывали местные жители, пытались разрыть китайцы в прежнее, до якуб-бековское время, но нашли ли в ней что-нибудь — неизвестно».

Другой памятник древности находится верстах в пятнадцати к северу от Кашгара на большой дороге, ведущей из этого города в селение Артышь. Н.Ф. Петровский писал об этой местности: «Есть два Артыша — Нижний (астын) и Верхний (устюн). Оба они очень древние. Позволю себе заметить, что оба эти Артыша очень подходят к тем двум Birsgan'am, которые указываются у A. Sprenger'a (Post u Reiserouten des Orients, S. 24) по дороге из Узгенда в город Хакана Taghorghoz'ов. До сих пор я еще не получил списка Кентов, т.е. кварталов или частей этих двух поселений. В названиях Кентов (всегда очень многочисленных даже в небольших селениях) ближе всего следует искать следов древности: наименований древних оседлых жителей и племен»

² Этот листок попал в конце концов в Азиатский музей, в руки С.Ф. Ольденбурга, и был опубликован им как одна из первых находок из Восточного Туркестана. Книга Боуэра была опубликована Р. Хёрнле в «Indian Antiquity», XXI, 1892. Транскрипция, факсимиле и перевод на английский язык с примечаниями были опубликованы им же в Калькутте, в 1893 (примеч. М.И. Воробьевой-Десятковской).

(АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15; об этом см. также: «Описание Восточного Туркестана», перевод о. Иакинфа. СПб., 1829, часть II, с. 143). Памятник обнаруживается тремя отверстиями в форме окон или дверей в уступе горного отрога; саженях в полторастах от этих отверстий он продолжается к северу за селение Артыш и далее. Памятник называется туземцами «учма-раван», Н.Ф. Петровский описывает его так: «Я полагал было, что первое слово следует читать **Уч**, т.е. „три“, так как самих отверстий три; но туземцы объясняют название иначе: „учма“ значит разлетающийся, рассыпающийся; дорогу узкую, трудную по осыпающейся местности, называют учма-юг. Другие жители называют так „абрикос“ (из селения Исфара в Фергане), который в сушеном виде рассыпается на зубах (местное название учма-кандак). Следовательно, согласно толкованию туземцев, название это должно обозначать „осыпающийся или трудный вход“» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15). «Горы, где находятся отверстия, шириною в несколько десятков сажен; сзади отверстий, т.е. за горами, находятся глубокие овраги; по берегу одного из них тянутся³ как будто остатки или основание стены или вала. О местах этих существует предание о том, что в помещении с тремя отверстиями жила китайская царевна. Подробности об этой царевне неизвестны. При осмотре памятника и окрестностей я сначала готов был предположить, что отверстия эти — остаток подземного помещения, находящегося в кремле бывшего здесь некогда города или крепости, и что осыпавшаяся гора, оторвав часть этого помещения, сделала видимыми двери его комнат; но осмотрев местность, я не смог найти признаков входа в помещение, а один из сопровождавших меня конвойных казаков вскарабкался по веревочной лестнице, чтобы посмотреть внутрь отверстий, и сообщил мне, что за отверстиями находится комната с двумя дверями и что посредине комнаты сидит болван. Все это казак видел мельком, потому что лестница качалась и была очень ненадежна. Вероятно, что этот памятник подобен тому, о котором упоминается в сочинении В.В. Григорьева (Григорьев, 1873, с. 140). Это, очевидно, один из буддийских памятников. О других памятниках древности в Восточном Туркестане, неизвестного происхождения, известно тоже очень много, но ни один из них не исследован. Не говоря уже о тех, которые погребены под песками Такла-Макан (Григорьев, 1873, с. 162)⁴. Иногда сильный ветер сметает верхний слой песка, и тогда обнаруживаются развалины домов и крепостей. Местные жители очень интересуются такими случаями и стараются успеть осмотреть эти развалины, чтобы разыскать старинные вещи. Я позволю себе указать, для примера, на несколько таких местностей, представляющих, по моему мнению, высокий исторический и археологический интерес. Недалеко от Яркенда, почти у самого предела песков, находится древнее поселение, носящее название Татар-Кишлак. Окрестная местность, почти до Хотана, называется татар-заамин, т.е. „татарская земля“». Н.Ф. Петровский характеризует эту местность следующим образом: «Древние жилища Тохаров находились в 900 ли от Хотана на восток, и высказывается предположение, что народ этот ушел из своих прежних поселений из-за песчаных бурь, засыпавших всю местность. Тамашек (Centralasiatische Studien, I. S 38) пишет, что „unter den Tokhara's mongolische Elemente vorhanden gewesen“. В „Vocabulary of Proper Names in Chinese and English“ Porter Smith'a (Shanghai, 1870, P. 11) под словом Ho-si сказано: „Tangut or Tocharia, a region to North of Kokonor and NW of Shensi; the country of Uigurs“. В китайских известиях Тухара называется Тухоло. Не слышится ли это название в первом слове Такла-Макан? (см. Словарь Lenker'a „Nafe-nombnil“, S. 904a). А в горах „татарской зем-

³ Против отверстий тянутся также горы, в середине каменистого ложа — долина.

⁴ Здесь В.В. Григорьев опирается на сведения, собранные Сюань Цзаном.

ли“ из пупка серны добывают мускус, который называют ‘нафаи-хотан’ или ‘нафаи-татар’. Татары нашего времени никогда там не были.

Относительно второго Вашего вопроса я считаю себя обязанным сообщить, что я весьма сомневаюсь, что не только местные Китайские власти Кашгарии, но и Пекинское Правительство разрешило отдельному лицу или экспедиции производить в Кашгарии правильные раскопки древностей и воспользоваться найденными в них вещами. Пользуясь настоящим случаем, я позволяю себе доложить Отделению, что каким бы то ни было способом, используя сведения, полученные от случайных путешественников или местных жителей, было бы необходимо для Отделения сделать общий обзор и самое краткое описание памятников и местностей, интересных в археологическом отношении, обозначив на карте, где они находятся. Такой обзор или археологическая рекогносцировка могли бы заключаться, во-первых, в посещении местностей, которые упоминаются в сочинениях древних путешественников и географов и ныне существуют под теми же названиями⁵, а во вторых — в осмотре мест и памятников, о которых никаких сведений до сих пор не имелось.

Название местностей в Восточном Туркестане (как и вообще в Средней Азии) зависит преимущественно от следующих признаков:

а) от их конфигурации (например, Тенги-Тар, узкое темное ущелье); б) от растительности, наиболее характерной для данной местности (например: Арамитан, Урамитан — род тала; Каинды — березовая роща; Арпалык — ячменные поля и пр.); в) от цвета воды и почвы, их качества, от находящихся в земле полезных ископаемых (Кара-су, Ак-су, Шур-булак — горький от наличия селитры); Ключ, Лагизлык — болотистое место; Курга-шин-кане — свинцовые копии пр.; г) от зверей, птиц, насекомых, встречающихся в данной местности (Урдаклик — утиное болото; Чумалик — обилие муравейников); от названия племени или рода, жившего в этих местах ранее или в настоящее время (Саидлар — племя сеидов); е) от занятия жителей и внешнего вида поселения. Есть много других названий, происхождение которых неясно, или видоизмененные названия: например, старая крепость между Кашгаром и Ошем носит название Нагара-Чалды, что проживающие здесь киргизы переводят как „Барабан пробил“. Такие местности несомненно древние, и почти всегда в окрестностях их находятся развалины.

Путешествие по Восточному Туркестану одного лица или экспедиции, которые не собираются делать раскопок и вывозить что-нибудь из страны, мне кажется, не встретит сопротивления Китайских властей. Необходимо только испросить разрешение от Пекинского Правительства. Экспедиция должна быть снабжена достаточными средствами, ибо местные чиновники всегда готовы поживиться за счет чужеземцев» (АВ ИВР РАН. Ф. 43. Оп. 3, ед.хр. 15).

Сам Петровский составил 2 карты Восточного Туркестана, делая упор на обозначение дорог, которые приведут от одного места до другого, и дни, которые потребуются для этого перехода. Карты хранятся в Рукописном отделе Института восточных рукописей РАН.

Петровский проработал Генеральным консулом Кашгара до 1903 г. Затем по состоянию здоровья он покинул Кашгар и последние годы жизни провел с семьей в Ташкенте. За 20 лет, которые Петровский проработал в Восточном Туркестане, он сделал для российской науки важнейшие открытия не только в области археологии и составления карт древнейших памятников, но также собрал коллекции рукописей I–IX вв. н.э. и

⁵ Сошлюсь на ту же книгу Шпренгера: весьма много указанных там названий городов и селений существуют под теми же наименованиями и по сие время.

памятников искусства. После смерти Петровского родственники по его завещанию передали в Азиатский музей оставшиеся у него фрагменты рукописей и артефакты.

В собрании Института восточных рукописей РАН в общей сложности хранится более 500 фрагментов из Кашгара, Хотана, Кучи и других провинций Восточного Туркестана. Наряду с этим Петровский собрал значительную коллекцию мусульманских рукописей, которую также передал в Азиатский музей. В период 1880–1890 гг. Петровский переслал С.Ф. Ольденбургу около 300 фрагментов индийских рукописей, которые были опубликованы в «Записках Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества» (Ольденбург, 1894, с. 47–67).

К сожалению, С.Ф. Ольденбург был очень занят и не смог опубликовать все фрагменты, присланные Петровским. Однако следы работы над ними остались. В Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН остались транслитерации, написанные рукой Ольденбурга. Поскольку наша коллекция рукописей очень интересовала и российских, и зарубежных ученых, к Ольденбургу не раз обращались с просьбой привлечь к работе над рукописями других ученых. Ольденбург был не против предоставить возможность работать над фрагментами двум выдающимся ученым: А. фон Сталь-Гольштейну и Н.Д. Миронову. Первый в 1926 г. опубликовал транслитерацию «Кашьяпапариварты» (*Stael-Holstein A., von. The Kāṣyapaparivarta, a Mahāyānasūtra of the Ratnakūṭa Class. Ed. in the Original Sanskrit, in Tibetan and in Chinese. [Shanghai]*), Миронов издал фрагмент «Дхармапады» на тохарском языке Б из коллекции М.М. Березовского (Миронов, 1909–10, р. 97–112). В 1919 г. Миронов эмигрировал в Китай. Там он продолжал работать над фрагментами «Лотосовой Сутры» — «Саддхармапундарики-сутры», одной из самых значительных находок в Хотане. Другой важной находкой в Хотане была рукопись на хотано-сакском языке — «Сакская рукопись Е», или “The Book of Zambasta”, практически прекрасный учебник по буддизму (Emmerick, 1968).

После смерти Ольденбурга, тяжелого времени репрессий и Великой Отечественной войны за центральноазиатские рукописи долго никто не брался. Специалист появился только в 1954 г. Молодой талантливый ученый Владимир Святославович Воробьев-Десятовский составил инвентарную книгу рукописей из коллекции Петровского, написал обзор этих рукописей, занимался одновременно санскритскими, хотано-сакскими и тибетскими материалами. Фонду еще раз не повезло. Воробьев-Десятовский скончался в 1956 г. Остались его ученики, молодые и неопытные. Тем не менее работа над фрагментами продолжилась. Вышло три тома «Памятников индийской письменности из Центральной Азии» (1985, 1990 и 2004 гг.). Над рукописями работали Г.М. Бонгард-Левин, Э.Н. Темкин и М.И. Воробьева-Десятовская. Работа над центральноазиатскими рукописями продолжается. К ней подключились японские ученые проф. Сейхи Карасима и Тамай.

Значительный вклад в создание существующих ныне и у нас, и за рубежом коллекций восточнотуркестанских памятников искусства внесли археологи-любители и коллекционеры из числа служащих европейских (в большинстве случаев русских и английских) дипломатических миссий и консульств, работавших в Синьцзяне.

В архиве Петровского сохранились несколько писем зарубежных ученых, которые просили у него помощи, чтобы посетить Восточный Туркестан и воспользоваться его знаниями. Два из этих писем написаны выдающимся английским ученым Аурелем Стейном. Стейн несколько раз посетил Восточный Туркестан и написал три тома с подробным описанием всего, что он сумел увидеть. Его книги до сих пор остаются лучшими из всего написанного в Англии (Stein, 1921, 1928). Петровский оказывал ему постоянные услуги.

Одновременно с Петровским в Восточном Туркестане работал шведский ученый Свен Гедин. Ученые подружились, обменивались фрагментами рукописей, полученными сведениями. Так, долгое время один из хотано-сакских фрагментов, найденных Свеном Гедином, при описании его коллекции, сделанном Х. Бэйли, считался утерянным. Между тем он входил в состав коллекции Петровского. Местные жители, заметив интерес ученых к рукописям, организовали их подделку. Таких подделок оказалось много и в коллекции Петровского, и в коллекции Свена Гедина. При сравнении этих подделок оказалось, что одинаковые фрагменты хранятся и у нас, и в коллекции Свена Гедина. Очевидно, ученые поделили найденные материалы. В Шведском Королевском архиве сохранились копии писем Свена Гедина, посланные Петровскому. С. Розен, хранитель архива Свена Гедина, до сих пор не опубликовал их. Письма написаны мелким почерком на старофранцузском языке.

Англия пожалела денег для создания в Восточном Туркестане самостоятельного консульства. Но она имела здесь агента, который постоянно наблюдал за делами в Кашгаре и других областях. Англия все время опасалась, как бы Россия не предъявила претензий на Индию. Разведывательные сведения о политике России в Центральной Азии постоянно шли в Лондон. Там была создана так называемая «Голубая Книга», в которой фиксировались все сведения, касающиеся «Большой Игры». Во времена Петровского английским агентом в Восточном Туркестане был Мак-Картней. Дружеских отношений между Петровским и Мак-Картнеем, очевидно, не было. Но им часто приходилось встречаться на приемах, когда Восточный Туркестан посещали западные археологи и другие гости. К Петровскому все посещавшие Восточный Туркестан западные ученые относились с большим уважением и пользовались его советами и помощью. По всей вероятности, Мак-Картней также высоко ценил деятельность Петровского. В качестве доказательства можно привести богатый подарок, который Мак-Картней преподнес Азиатскому музею, — две очень ценные рукописи на санскрите и на хотано-сакском языке.

Чрезвычайно ценные коллекции были собраны работниками Российского консульства в Кашгаре Н.Ф. Петровским, Л.Я. Лютшем, С.А. Колоколовым. Материалы собирали также три наши археологические экспедиции — Д.А. Клеменца, М.М. Березовского и С.Ф. Ольденбурга. Материалы доставляли в Азиатский музей также урумчинские консулы Н.Н. Кротков и С.В. Соколов. Больше всего русскими дипломатами и учеными было сделано в 1898–1915 гг.

Хранящееся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа большое, насчитывающее свыше 3000 предметов, собрание хотанских древностей, известное также как «коллекция Петровского», или «Йотканская коллекция», собиралась Н.Ф. Петровским в течение 20 лет (1882–1902) (Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 2000, с. 226–227). В письме В.Р. Розену Н.Ф. Петровский сообщает о способе комплектования своей коллекции и вероятном происхождении ее материалов: «...археологические предметы, входящие в коллекцию, приобретаются через агентов из местных жителей, происходят они с территории селения Баразан, где находятся преимущественно в русле арыка, размывающего почву древнего городища» (ЗВОРАО, 1882, 1883). Изделия из обожженной глины, найденные в Йоткане — местности, которую Петровский упоминает как Баразан, по названию расположенного рядом современного селения, — составляют значительную часть всех известных нам как русских, так и зарубежных собраний хотанских древностей.

С.Ф. Ольденбург в некрологе Н.Ф. Петровского отмечает, что он умел при обследовании страны указывать на важное и нужное, показывать его. Петровский написал пособие для тех, кто отправляется в Среднюю и Центральную Азию, — «Наставле-

ние и программы вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии. Составил Н. Петровский. Консул в Кашгаре (на персидском языке). Издание военно-учетного Комитета Главного Штаба» (Ольденбург, 1911, с. 1–8).

Н.Ф. Петровский был первым, кто заставил ученых обратить внимание на научные сокровища Восточного Туркестана. Из упомянутой выше брошюры мы можем понять, что дипломат и ученый был прекрасным политиком. Ему понятны были не только направления движений восточных стран, рядом с которыми он находился, но и политика Запада по отношению к России. Кажется, что его роль в «Большой Игре» и налаживании торговых и политических отношений России с восточными соседями еще не оценены по достоинству. Теперь, когда документы с грифом «секретно» возможно изучать в различных архивах, многое становится ясным и личность первого консула Кашгара Николая Федоровича Петровского может наконец предстать перед нами в новом свете (см., например: *Петровский Н.Ф. Туркестанские письма*. М.: Памятники исторической мысли, 2010).

Санскритские рукописи в коллекции Н.Ф. Петровского

Характеризуя нашу коллекцию с точки зрения палеографии, мы сразу же должны отметить, что только 10 рукописей (одна из них состоит из 16 фрагментов, в остальных — по одному фрагменту) написаны вариантами северотуркестанского (или наклонного, по старой традиции) брахми. Во всех остальных использованы варианты южнотуркестанского (или вертикального) брахми. Письмо многих из наших рукописей обнаруживает сходство с гильгитскими разновидностями брахми. Лишь немногие незначительные по размеру фрагменты, для переписки которых использовался пальмовый лист или береста, написаны кушанским брахми или ранними вариантами посткушанского брахми.

Обратимся теперь к содержанию рукописей. Кажется вполне очевидным, что в буддизме во второй половине I тыс. н.э. начали происходить значительные сдвиги и на первое место вышла Ваджраяна. В ваджраянских текстах прослеживаются два субстрата: местные народные верования и культы и брахманские и добрахманские заговоры-обереги индийского происхождения. Значительную часть текстов в коллекции Петровского составляют дхарани — заклинания и мантры. Мы обнаружили 34 списка, которые содержат до 200 фрагментов, включающих различного рода заклинания. Среди этих фрагментов большинство относится к сутрам «Пяти защит». В них получил отражение культ пяти тантрических богинь-матерей, каждую из которых персонифицирует блок определенных магических формул. В нашей коллекции представлены три группы магических формул: обращение к Махамаюривиджняраджни — «Великой Паве, царице заклинаний» (4 списка), к Махасахасрапрамардинивидьяраджни (5 списков) и к Махапратисаравидьяраджни (4 списка). Всего обращения к этим трем богиням занимают 13 различных списков, более 100 фрагментов. Мантры направлены на помощь женщинам, детям, больным и немощным.

К этой группе сутр примыкают также тексты, содержащие беседу Будды с военачальником якшей Манибхадрой, всего 25 фрагментов. Большинство из них было издано С.Ф. Ольденбургом. Недавно один из фрагментов был отождествлен как заключительная часть «Нагаропама-сутры». Фрагменты этой же сутры были найдены в Германии, Англии и Франции. Из них удалось составить полный текст сутры (Bongard-Levin, Boucher, Fukita, Wille, 1996). Это хиньянские тексты,

употребляемые монахами, проживающими в лесу, чтобы отогнать ракшасов и прочих злых духов.

В английской и немецкой коллекциях сохранились фрагменты дхарани, которые в нашей коллекции найдены целиком. Это прежде всего популярные «Сумукханама-дхарани». В дхарани 22 и 23 листа потхи. Мы храним 4 списка, два из которых изданы.

К текстам, в основе которых также лежат дхарани, относится «Буддханама-сутра». В коллекции Петровского 5 списков этой сутры — всего около 30 листов и фрагментов. Три из них учтены в сводной работе Оскара фон Хинюбера (*Dharanis aus Zentralasien*, 1987–1989, p. 231–249). Три изданы М.И. Воробьевой-Десятовской и Г.М. Бонгард-Левиным (*Памятники индийской письменности*, с. 277–292). В коллекции Хёрнле и Годфрея Клаус Вилли недавно нашел еще 3 фрагмента этой сутры. В Дуньхуане найдены многочисленные китайские тексты сутры, многие из них — с цветными иллюстрациями. Дуньхуанский фрагмент с цветными иллюстрациями хранится также в собрании Петровского. Тангутские тексты «Буддханама-сутры» с цветными иллюстрациями оказались в коллекции Государственного Эрмитажа.

Наконец, в коллекции Петровского хранятся 12 списков неидентифицированных дхарани (всего 25 листов). Часть из них была опубликована С.Ф. Ольденбургом. Таким образом, дхарани представляют самую значительную часть коллекции Петровского, что явно свидетельствует о популярности этих текстов в южных оазисах Восточного Туркестана во второй половине первого тысячелетия н.э.

На втором месте по количеству листов и фрагментов стоит «Саддхармапундарика-сутра», или «Лотосовая Сутра». В нашем собрании представлены 27 её различных списков⁶. Среди них представлены обе версии сутры, известные в настоящее время: «центральноазиатская» и «непальско-гильгитская». Фрагменты центральноазиатской версии явно преобладают. В коллекции Петровского хранится самый полный из известных список «Лотосовой Сутры». Первоначально в полном списке содержалось около 450 листов. В нашем собрании найдены 399 листов, причем 324 из них имеют сплошную пагинацию. В других хранилищах мира обнаружено всего 56 листов этого списка, 12 листов до сих пор не найдены. Нельзя не отметить особую популярность «Лотосовой Сутры» в Хотане, где санскритские списки заказывались донаторами-саками. Об этом свидетельствуют колофоны и приписки на сакском языке, которые обнаружены в рукописи Петровского.

На третьем месте по количеству фрагментов в коллекции Петровского стоит «Праджняпарамита-сутра». В нашем собрании фрагменты и целые листы из 24 различных списков этой сутры. Большинство из них — фрагменты «Аштасакхасрика-праджняпарамиты» или «Праджняпарамиты из 8 тысяч шлок». Аналогичный санскритский текст был обнаружен в Гильгите; он отличается от «Праджняпарамиты в 8 тысяч шлок» и, как кажется, ближе к «Праджняпарамите в 25 тысяч шлок».

На основе проделанного нами анализа можно предположить, что в южных оазисах Восточного Туркестана во второй половине I тыс. н.э. получили распространение три

⁶ В недавно изданной монографии Клаус Вилле опубликовал список фрагментов «Лотосовой Сутры», хранящихся в коллекции Петровского. К сожалению, этот список оказался неполным, поскольку Вилле не учел последнюю публикацию российских ученых (см.: Бонгард-Левин Л.М. и др., 2004; *Fragments of a Manuscript of the Saddharmapundarikasūtra from Khadaliq*. Ed. by Klaus Wille. Soka Gakkai. Tokyo, 2000 (Lotus Sūtra Manuscript Series 3). Список рукописей и фрагментов из коллекции Петровского опубликован на с. 161–162. Клаус Вилле опубликовал также другую очень полезную таблицу: «Concordances: Kashgar MS — Other Central Asian MSS», p. 168–183. Ему удалось учесть полистно все найденные в настоящее время части текста «Лотосовой Сутры». См. ук. соч., с. 159.

важнейшие школы буддизма: Ваджраяна, махаянская школа «Лотосовой Сутры» и махаянская школа «Праджняпарамиты».

Коллекция Петровского показывает, что наибольшей популярностью в Восточном Туркестане пользовались так называемые «малые» сутры из цикла Праджняпарамиты — «Ваджраччхедика» и «Хридая-сутра».

Что касается остальных сутр коллекции Петровского, то они не отождествлены. Причиной этого является тот факт, что они представляют собой маленькие фрагменты.

Особый интерес представляют два почти полных текста авада: «Шардулакарнаваданы» и «Аджитасенавьякарана-аваданы». С.Ф. Ольденбург подготовил эти аваданы к изданию, но не успел осуществить задуманное. Отрывки из «Шардулакарнаваданы» издал Хёрнле. С.Ф. Ольденбург написал рецензию на это издание и сравнил текст рукописи Хёрнле с текстом нашей рукописи. Фрагмент, опубликованный Хёрнле, относился к астрологической части аваданы. С.Ф. Ольденбург показал, что мы имеем дело не с астрологией, а с аваданой, которая, в свою очередь, является частью «Дивьяваданы». Прделанное нами сравнение показало, что «Дивьявадана» содержала другую, более краткую версию «Шардулакарнаваданы». Сравнение «Аджитасенаваданы» из Гильгита с нашим текстом позволило установить, что оба текста переписаны с одного источника, в них повторяются те же ошибки.

Среди махаянских сутр коллекции Петровского важную роль играют отрывки из двух сутр: «Махапаринирваны» и «Кашьяпапариварты». «Махапаринирвана», очевидно, была одной из ранних махаянских сутр. В коллекции собирателя Скоена хранятся рукописи, недавно обнаруженные в той части Афганистана, которая в прежние времена составляла часть Индии, а именно Гандхару. Американский ученый Ричард Саломон определил среди этих рукописей несколько фрагментов «Махапаринирваны», написанных письмом кхароштки на пальмовых листьях. Кхароштки как вид письма в Центральной Азии, так же как и в Индии, вышел из употребления в III в. н.э. Некоторые китайские переводы буддийских сутр, очевидно, были сделаны с пракритских рукописей, написанных письмом кхароштки. Ричард Саломон установил, что тексты из коллекции Скоена отличаются по содержанию от текстов рукописей из коллекции Петровского. По всей вероятности, они были переписаны раньше, чем махаянские тексты из коллекции Петровского. Рукописи, аналогичные рукописям Петровского, были открыты также в собрании рукописей Англии. Рукописи, опубликованные Вальдшмидтом, содержали хинаянскую версию. Один лист из хинаянской версии хранится и в коллекции Петровского.

«Кашьяпапариварта» сохранилась в коллекции Петровского полностью и была издана японским ученым Карасимой и М.И. Воробьевой-Десятковской (Seishi Karashima, Noriyuki Kudo, Vorobyova-Desyatovskaya, 2002).

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

ЗВОРАО — Записки восточного отделения [Императорского] Русского археологического общества, СПб.

Список литературы

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Под ред. Б.А. Литвинского. Архитектура, искусство, костюм. М., 2000.

Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. II. СПб, 1873.

- Григорьев В.В.* О скифских народах саках. СПб., 1871.
- Лерх И.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.
- Мионов Н.Д.* Из рукописных материалов экспедиции Березовского в Кучу // *Melange Asiatique*. 14. St. Petersburg, 1909–10.
- Ольденбург С.Ф.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф.Петровского // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII; 1899. Т. XI.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти С.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1911. Т. XX.
- Ольденбург С.Ф.* О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1909. Т. XIX, C/XXV–XXVII.
- Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н.* Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М., 2004.
- Петровский Н.Ф.* Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям. Таш., 1894.
- Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXII. СПб., 1886.
- Bongard-Levin G., Boucher D., Takamichi Fukita, Willee K.* The Nagaropamasutra: An Apotropaic Text from the Samyuktagama. A Transliteration, Reconstruction, and Translation of the Central Asian Sanskrit Manuscripts. Göttingen, 1996.
- Dharanis aus Zentralasien // *Indologika Taurinensia*. XIV (1987–1989).
- Emmerick R.E.* The Book of Zambasta. Oxford University Press, 1968.
- Stein A.* Sand-buried ruins of Khotan. London, 1903.
- Stein A.* Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1–5. Oxf., 1921.
- Stein A.* Innermost Asia. Detailed Report of Exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. 1–4. Oxf., 1928.
- Karashima Seishi, Noriyuki Kudo, M.I. Vorobyova-Desyatovskaya.* The Kaśyapaparivarta. Tokyo, 2002.
- Stael-Holstein A. Von.* The Kaśyapaparivarta, a Mahāyānasūtra of the Ratnakūṭa Class. Ed. in the Original Sanskrit, in Tibetan and in Chinese [Shanghai].
- Waldschmidt E.* Das Mahāparinirvāṇasūtra. Text in Sanskrit und Tibetisch, verglichen mit dem Pāli nebst einer Übersetzung der chinesischen Entsprechung in Vinaya der Mūlasarvādins. T. I. 1950.

Summary

M.I. Vorobieva-Desyatovskaya

Materials of Nikolay F. Petrovsky at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

Nikolay Feodorovich Petrovsky (1837–1908) was the Russian consul-general in Kashgar, in Central Asia, from 1882 until 1902. Being a Russian General, he was very severe but just man. He was very interested in collecting materials on the history of Central Asia. Manuscripts and their fragments, artifacts, description of ancient ruins were collected by him on the instruction of the Asiatic Museum of RAN in St. Petersburg. The Academician S.F. Oldenburg guided his work. The bulk of his manuscript collection, e.g. manuscripts in Sanskrit, Khotanese Saka, Tocharian language B, Tibetan, Sogdian, Petrovsky donated to the Asiatic Museum in St. Petersburg. Now they are kept at the Institute of Oriental Manuscripts, RAN. This Institute has a very big manuscript collection from East Turkestan — about 500 items. This is a merit of Petrovsky.

Petrovsky was a talented archaeologist, historian, philologist, and politician. He commanded much respect among the local population. It was a reason why they wanted to pass into the power of the White Tsar. Petrovsky actively took part in the so-called Great Game in which he strictly observed Russian interests.